

— Ленинград, 8 июля 1980 г.

Дорогой Сашок!

— Часто приходится слышать скептическое: Всё это прекрасно и правдоподобно, но ведь много и других правдоподобных точек зрения, а в общем, - всё относительно. Родился в Турции - стал мусульманином, вырос в материалистической среде, - стал атеистом и т.д. Христианство - всего лишь одна из многих религий и позиций.

— Ясно, что всякий убеждённый последователь Мухаммеда, Христа или Будды станет в оппозицию такому релятивизму. Но каковы аргументы этой оппозиции? Скептик, отчасти справедливо, полагает: каждый из них будет говорить, что его религия истинна, а другие ложны потому-то и потому-то. Но при этом все они будут ссылаться на факты и опровергать другие факты, которые проверить нельзя.

— Я, конечно, тоже убеждён в превосходстве христианства, и даже не просто в превосходстве, но в несопоставимости с другими религиями. Но, понимая, что на исторических фактах далеко не выедешь, и не прибегаю к ним в споре, а просто предлагаю проделать мысленный эксперимент, требующий совсем немного знаний и некоторой абстракции.

Возьмём ряд представителей человечества: христианин, мусульманин, буддист, политеист-язычник, иудей, материалист, гуманист-неопределённый, аморалист и т.д. Теперь будем брать попарно:

христианин - мусульманин;

христианин - буддист, ...

... , христианин - аморалист, ...

— Теперь сравним членов каждой пары в таком отношении:

— 1) Может ли христианин (убеждённый) стать мусульманином (по существу, не по случайным признакам), оставаясь при этом убеждённым христианином?

— И наоборот

— 2) Может ли мусульманин стать христианином, оставаясь при этом убеждённым мусульманином?

Вот и проделаем эксперимент с каждой парой. Что получится? Возьмём только два-три примера (остальные обнаружат то же).

— 1. Мусульманином по существу, а не по акцидентальным признакам (к которым относятся, скажем, отдельные культово-бытовые моменты или, скажем, отрицание исламом христианства: это случайный, а не существенный признак, так как ведь если бы христианство исчезло с земли, отрицать было бы нечего, а ислам остался бы исламом), итак, мусульманином христианин стать может. Вспомним Кredo ислама: "Бог един, и Мухаммед - пророк Его", просто и коротко. С чем тут может христианин быть несогласным? С тем, что Аллах один, а не два и не три? Конечно, один. С тем, что Мухаммед - Его пророк? Какой же нормальный человек в этом усомнится?

— Случаи жизни христиан среди мусульман и как мусульман были, и очень поучительные и интересные. Христианство при этом у таких людей не страдало, хотя поневоле было тайным.

—А наоборот? Как можно представить себе, что крестившийся (по убеждению) мусульманин (то есть принявший Христа по существу) останется просто убеждённым мусульманином? Абсурд. Если он даже сохранит уважение к исламу, то только как к милому чудачеству своего прошлого.

—2. Принять материализм в его существе, как определённую систему философского описания действительности, для христианина не составляет ни малейшего труда, хотя привычней для него (чисто исторически) платонизм или аристотелианство. Но ведь, если бы в IV веке господствовал, скажем, атомизм Демокрита, вся догматическая терминология была бы иной. Примеры христиан-материалистов есть, и замечательные. Например, один из крупнейших богословов XX века о. Пьер Тейяр-де-Шарден. Ведь недаром же не посмеет даже никакая наша энциклопедия упрекнуть его в идеализме (что, конечно, есть преступление, - быть идеалистом).

—А наоборот? Останется ли убеждённым материалистом-атеистом уверовавший во Христа человек? Абсурд.

3. Здесь уже как шутка (а можно и нешуточно, если взять, скажем, ницшеанство): может ли христианин стать аморальным? Да чаще всего так и есть. И при этом он остаётся убеждённым христианином.

Может ли аморалист стать христианином, оставаясь убеждённым бандитом? Нет. Если он и будет безобразничать, то по греховой привычке, а не по убеждению. Потому и каяться будет.

—Короче говоря, вывод из мысленного эксперимента будет таков: христианство универсально и абсолютно. Оно не исключает по существу никакого иного мировоззрения, но при этом не сводится ни к одному из них. Это как в учебниках диамата: целое есть сумма частей и не есть сумма частей, но нечто качественно иное.

—Нет таких условий, при которых христианин мог бы стать по существу иным, даже если он станет при этом мусульманином, иудеем и т.д. Таким образом христианство - безусловно, то есть абсолютно.

—Есть такое условие (по меньшей мере одно), при котором мусульманин, иудей и т.д. изменятся по существу. И это условие - принятие ими христианства. Таким образом все остальные религии и мировоззрения условны, то есть относительно.

—Поэтому, когда говорят о "мировых религиях": христианство, ислам, буддизм, - то это надо понимать как "международные религии". Истинно же мировой, то есть универсальной, религией является только христианство.

—Потому и Христос говорил: Я победил мир! И в своё время император Юлиан: Ты победил, Галилеянин!

Замыкая А на Ω , христианство охватывает во едино всё бытие - действительное и мыслимое и потенциально не оставляет ничего вне себя. Оно - общее, остальное - частности.

Это как релятивистская механика XX века не исключила классическую, но вобрала её в себя как частный, недостаточный случай. Здесь хорошая аналогия. Ведь классическая механика отрицает релятивистскую (по случайности чисто исторического характера). Релятивистская отрицает классическую не по её ограниченному существу, а в её притязаниях на абсолютность.

Всего хорошего, целую, Ианнуарий.

P.S. С этим, десятым конвертом я пока на время умолкаю, так как, во-первых, моя работа над диссертацией продвинулась только к 1/3, хотя данное мне для работы время

подошло к 1/2, а во-вторых, я уже завершил в этих письмах, как ты почувствовал, некий цикл. Схема положительных рассуждений дана. Её можешь уже самостоятельно заполнять выводами и деталями.

— Это не значит, что здесь всё, что мне хотелось написать. Мы ведь не касались, например, такого момента: а что с этой телеологической точки зрения значит зло? В чём смысл Креста? Ну и много другого. Затем, совсем не затронутыми остались чисто практические вопросы, касающиеся конкретной жизни.

— В заключение хочу сказать, что всё, мною изложенное, хотя и не оригинально, всё-таки сымпровизировано лично мною, а потому может нести на себе следы моих ошибок. Всегда готов исправить, если что не верно. Ведь, к сожалению, никто современным языком и совсем понятно обо всём этом у нас не говорит. Вот и приходится всё обдумывать самому, искать какие-то пути в изъяснении того, что самому ясно как-то интуитивно или в терминах давно ушедших философий.

Ленинград, 21 июля 1980 г.

Дорогой Санечка!

— Рад, что мои письма тебе хоть немного понравились. Не беда, если что-то неясным осталось. Я ведь не волшебник, и для меня не всё прозрачно. К тому же всё это изобреталось на ходу, а вовсе не есть конспект с какого-то несуществующего учебника. Тайна всегда остаётся тайной, и это хорошо, так как иначе мы ни о чём бы не мыслили, никуда не стремились бы. Плохо, когда людям всё ясно. Это как для каких-нибудь пенсионеров, читающих популярные журналы вроде "Знание-сила". Они прекрасно "знают", что всё в мире предельно понятно, что для науки нет тайн, что всё состоит из электронов, атомов, и вроде каких-то квантов - таких маленьких-маленьких штучек. А дальше вопрос - что же это за штучки? - уже не ставится. А там-то и кроется тайна, таинственная бездна, которая именуется бытием.

— Так что, когда я пишу письма, я вовсе не стремлюсь вложить в адресата незыблемую систему понятий, а просто даю понять о том русле размышлений, которые мне свойственны. И единственное, в чём я хочу всегда убедить, это то, в чём я сам убеждён безусловно, - это в том, что миром правит Смысл, и что мы, люди, каким-то совсем особым, интимным образом связаны с этим Смыслом. И что Смысл этот неизменен и вечен. И что это особое, интимное отношение людей к Смыслу имеет непосредственную связь с вечным, абсолютным в Смысле.

— Тут я отступлю и позволю себе порассуждать об этой укоренённости человека в вечности, то есть о бессмертии.

— Мне представляется, что целью эволюции на каждом этапе является бессмертие. К бессмертию "стремится" кишечная палочка и сознательно стремится человек.

— Природа, осуществляя в себе принцип бессмертия, вместе с границами жизни индивида указывает ему и пути к бессмертию. Всё это выражено в эволюции достаточно чётко. А именно в соотношении жизнь (биос) - смерть (танатос), в требовании бессмертия, связанного неразрывно с умножением и сохранением информации (памяти), действует то, что всегда называлось Эросом. Эрос - противоядие против тотальной смерти, потери памяти.

— Исповедание Воскресения Иисуса для христианина является выражением уверенности в том, что истинны были древние слова, казавшиеся прекрасным сном: "Сильна как смерть любовь" (Песнь Песней, 8,6). В Библии эти слова стоят именно как восхваление силы Эроса. Но для христианина это не просто гимнографическая гипербола. В безграничных притязаниях Эроса речь идёт о существеннейшей проблеме жизни, о

задаче эволюции. В этих словах выражена внутренняя парадоксальность Эроса, этого моста между биосом и его тенеподобным отражением внутри танатоса. Любовь требует бессмертия, бесконечности, она - как бы вопль о бесконечности. Но очевидно, что вопль этот повисает над пустыней: любовь требует бесконечности, но дать её она не может. Танатос всегда торжествует. Только из этого можно осознать, что такое Воскресение. Оно есть более сильное состояние любви по сравнению со смертью (любовь сильнее смерти; см. у ап. Павла в I Кор.).

— Человек есть существо, которое само по себе не вечно, но по необходимости смертно. Продолжение жизни для него возможно только таким образом, что он как-то будет существовать в другом человеке (людях). Но как быть в других?

— К этому обычно ведут два пути. Первый - общебиологический, как и у кишечных палочек, собственно. Это продолжение жизни в собственных детях. Отсюда общее, мнение древних, что безбрачие и бездетность - ужаснейшее проклятие судьбы, означающее безнадежную смерть. И наоборот, большое число детей являет большой шанс для пережития самого себя, для бессмертия, а таким образом есть самое большое благословение судьбы, на которое может рассчитывать человек. И древние очень правы, но не безусловно. Когда делается открытие, что в детях человек может жить очень уж не по-настоящему, - ведь человек хочет, чтобы именно от него осталось как можно больше, - тогда действует второй путь: человек стремится к славе (δοξα, fama, молва). Слава сделает человека бессмертным, если он будет продолжать жить в памяти людей во все времена. Но и это бессмертие через других терпит крушение. То, что остаётся - не есть Он Сам, Его Память о Себе, а эхо, тень. Беда этих самосоздаваемых "бессмертий" ещё в том, что тот, другой, кто удерживает моё существование после моей смерти, не только влачит всего лишь отголосок моего существования, но и сам подвергнется скорому распаду и превратится в отголосок.

Здесь начинается следующий шаг. Если человек сам по себе не обладает постоянством, но может существовать только в другом, хотя и наподобие тени (Аид, Шеол, царство теней) и вовсе неокончательно, так как другой сам разлагается, то могла бы быть лишь одна опора в этой безысходности: Тот, Который есть (ο Ων, Яхве, Сущий), Который остаётся в потоке становлений и прохождений, Бог живых, а не мёртвых, Который держит не только эхо, тень моего существования, мысли Которого не являются лишь копией действительности, но сама эта действительность есть осуществление Его мыслей. Я сам являюсь Его мыслью, воплощением Смысла: Он - это принцип моего бытия, как животного, так и личного, принцип моей самости. В Нём я могу сохраняться не только как тень, но в Нём я воистину ближе к себе, чем если бы я пытался быть только в себе. (Вспомни разговор Христа с саддукеями о женщине с семью мужьями).

Абсолют (ο Ων), общекосмический Принцип, - тот же Принцип в электроне, в кристалле, в кишечной палочке и в моём я, в том, что я называю своим я. Моё самосознание, удержание информации, всё, что обозначается как личное бытие, - всё это осуществлённое в веществе действие Личного Принципа - Логоса. И в Нём всё это становится (есть) Вечной Памятью.

Тщетны всякие попытки понять самость, Я в человеке исходя из предпосылки об абсолютной самостоятельности, о субстанциальности этого Эго (маловразумительное понятие о бестелесной душе как особой субстанции). Человек со всеми своими мыслями, эмоциями, вещественными характеристиками - часть космоса, и принцип, лежащий в основании его телесности, его психики, его ментальности - тот же общекосмический Принцип, к полному самоосуществлению которого стремится вся космическая эволюция.

Мы можем сказать, что эрос, любовь всегда основывает какой-то вид бессмертия, даже на предчеловеческих ступенях она указывает на бессмертие как на воспроизведение, сохранение информации о виде. Основание бессмертия не есть что-то случайное для любви; напротив, это составляет её сущность. Бессмертие всегда происходит от любви и никогда из абсолютной самодостаточности, самоудовлетворённости.

— Это заключение (как мы видели в "выводе" Троицы) относится к Богу, как Его понимает христианство. Бог по сравнению со всем преходящим - нечто сверхпостоянное только потому, что Он есть абсолютный акт любви. Революция христианского образа Бога (и мира) по сравнению с античностью в том, что христианство учит понимать Бога не просто как Абсолют, но как Абсолютную Относительность (*Relatio subsistens*, субстанциальное отношение, абсолютный акт). Аспект постоянства, неизменности в Абсолюте выражают термины Существо или Природа. Аспект абсолютного перехода, движения, информативной самоотдачи и самообретения в этом постоянстве выражается словом триипостасность.

— Дети, как правило, обладают очень глубокой, но неосознаваемой в понятиях религиозностью. О положительном аспекте детского восприятия онтоса, бытийственности мы как-то уже рассуждали год назад. А вот хороший пример отрицательно-религиозной эмоции. Когда ребёнку приходится оставаться в тёмной комнате, он боится, боится глубоко, так, как редко чего боится взрослый. Педопсихологи уже давно заметили, что "запуганность" здесь не играет роли принципиальной. Страх овладевает душой несмотря на все уверения, что вообще-то нет ничего страшного. Это - чувство одиночества, чувство забвения (меня забыли!), напряжённое действие биоса перед лицом холодного танатоса. Это не страх перед чем-то, а "страх в себе". Ведь страх перед чем-то (следовательно, определённым) в сущности прост, его можно прогнать, убрав соответствующий объект страха. Если кто-то боится кусачей собаки, её можно посадить на цепь. Здесь же мы сталкиваемся с чем-то качественно иным. Здесь чувство жуткого одиночества, собственной недостаточности (призыв Эроса!), - и эти чувства в своей наивной данности непреодолимы.

— Другой пример (не детский): кому приходилось провести ночь с мертвецом, тот ощущал себя (не все, конечно) в жутком положении, даже если он рационально сознавал беспредметность своего чувства, зная, что мертвец ничего дурного причинить ему не может, и что его положение, возможно, было бы гораздо опаснее, если бы тот, кто сейчас лежит в гробу, был живым. Здесь совсем иной вид страха.

— Как этот страх преодолевается? Обычно очень просто. У ребёнка страх проходит, как только появляется рука, которая берёт его, и голос, который говорит с ним. Тот, кто наедине с трупом, почувствует облегчение, если рядом с ним будет живой человек, близость какого-то "ты". В этом преодолении страха как раз раскрывается его сущность: это страх одиночества, страх существа, лишённого самостояния ("несамобытность" в богословии), которое может жить только в сосуществовании. Собственный страх человека преодолим вовсе не пониманием (никакого "понимания" здесь быть не может), а только присутствием другого, желательно любящего.

— Но если бы имелось такое одиночество, в которое не могло бы более проникать никакое слово, никакой взгляд, никакое "ты", - то это было бы тотальное одиночество Ужаса, того, что в богословии именуется Адом (сама этимология слова "ад":

$\alpha\delta\epsilon\xi \Rightarrow \alpha-\text{id} \Rightarrow \text{без-вида} \Rightarrow \text{без-образа}$: "место", откуда ничего не видно, и которое никто не видит, полная немислимая изоляция). Ад - это одиночество, в которое более не проникает слово любви.

Есть такая ночь, в покинутость которой не достигает ни один голос; есть дверь, через которую мы можем перешагнуть в эту ночь одиночества: дверь смерти ("врата ада"). Весь страх мира в конце концов есть страх перед этой потерей памяти, перед этой забытостью одиночества (даже немислимого, ибо мыслить можно только "нечто", но не "ничто"), страх за-бытия (быть за-бытым, быть за-бытием, вне-бытия). Понятно, что Ветхий Завет пользуется одним словом для обозначения ада и смерти, словом Шеол. Смерть есть просто одиночество, но одиночество, в которое не может проникнуть любовь, - есть ад.

Страх мира! Эрос. "Любовь побеждает страх" - ап. Павел. Проповедь Христа: "Не

бойтесь, не бойтесь!" Бог христиан - Всепомнящая Любовь, Эрос.

— Каждый воскреснет в меру любви (своей и к себе). Любить Бога = любить ближних.

— Проникновенная дальновидность ребёнка у взрослых обычно затухает иллюзией "понятности", той мелочной, копошливой суетой повседневности, которая за деревьями совсем забывает о лесе. Эта суетность взрослого ("будьте как дети" - слова Христа) одновременно закрывает для него тайны биоса и тайны танатоса. Взрослому "всё понятно", "всё" перед его глазами, ему нечего бояться. Жизнь для него - это то, что он вот сейчас пойдёт в магазин, потом поругается с женой, после будет смотреть матч по телевизору и т.д. И за этим - ничего нет. Всё это имеет самодовлеющую ценность, самостояние и самообоснованность (мысли, конечно, могут быть не такими, но таково чувство). То же с бытием вообще. Чувства таинственной бездны, которая стоит за этими пресловутыми квантами (что суть они?!) у пенсионера-физика уже нет.

— Столь же атрофировано бывает у людей не только чувство бытия, но и чувство небытия, то есть смерти. Достаточно поговорить о смерти с большинством людей, чтобы убедиться в этом. "Чего мне бояться смерти? Там просто ничего не будет. Дай бог помереть безболезненно, а там сгнию в могиле и всё тут". За этими словами скрывается то же "смертеощущение" (безлюбное, лишённое эроса), что и их прежнее "жизне-ощущение". Смерть - это просто не ходить, не ругаться с женой и не смотреть телевизор. Та же жизнь, только со знаком минус. Конечно, не только биологическое небытие представляется в таком "пенсионерском свете", но и онтологическое тоже. Небытие - это "просто" отсутствие частиц, квантов, полей ... Некий пустой ящик.

— И если слышат о "загробном существовании", то, естественно, смеются, ибо это загробное существование не могут уже осознать иначе как через призму своего жизнеощущения. Воскресение мыслится в тех же терминах: магазины, жена, телевизор... Онтологическое воскресение, естественно, тоже принимает образ полей, квантов, частиц. Ведь за всеми этими образами уже ничего не чувствуется, а значит и не мыслится.

Христианство строжайше различает:

— βίος (биос, жизнь) и ζωή (зои, Новая Жизнь);

θάνατος (танатос, смерть) и ἀπώλεια (аполия, Вторая Смерть, гибель, отсюда, кстати, Аполлон - Губитель).

— Биологическое мироощущение, естественно, и Новую Жизнь (Воскресение) понимает в биологических терминах. Зоическое мироощущение и в биосе усматривает неисследимую бездну таинственного бытия.

— Воскресение Христово не может быть мыслимо в биологических терминах. Он вовсе не вернулся к жизни (к прежней жизни, к биосу), Он перешёл за дилемму жизнь-смерть, вкусив и того и другого. Его Воскресение - именно ζωή, Новая Жизнь, Vita Nuova.

Конечно, пережить это чувство Воскресения можно не только в Пасхальной радости. Здесь оно просто становится умиротворяюще широким. А вот я сейчас писал и вспоминал Притчу о блудном сыне и её иллюстрацию Рембрандтом, или вот ещё ярче - описание в "Иосифе" Т. Манна состояния Иакова, когда для него умер любимый сын Иосиф, и когда этот любимый сын воскрес для него же. "С любимыми не расставайтесь". Но увы, ведь приходится же иногда. И тут сам как будто умираешь, - память мечется, вызывает, вызывает любимый образ, но тщетно, наша память - фантом. Моя жизнь мне больше ни к чему, я её вновь обрёл бы, если бы вернулся тот, кто ушёл, если бы он "воскрес", если бы моя память о нём получила бы осуществление, воплощение. Наша жизнь (Я) - память о других. Тот в некотором смысле мёртв, кто никого не помнит, никого не любит.

(*Подчеркнуто мной. А.Н.*) Но вот - "воскрес" любимый сын Иакова. Другой вещественно, совсем другой, но - сила памяти, сила любви - всё тот же. Какая радость сравнивается с этой?

— Недаром рассказ об Иосифе - всегда понимается как прообраз Евангельской истории. Иисус умер, - и все любившие Его рыдали над гробом. Но вот - Ев-ангелие - Прекрасная, благая весть: Он вернулся. Было отчего потерять голову от радости, той радости, на которой и основалась Церковь. Он был совсем другой, иногда чуждый и непонятный, - но всё тот же при этом.

— Его Воскресение - наше воскресение: ведь "воскресение" Иосифа было новой жизнью и для Иакова и для всех его сыновей. Моя жизнь - память других обо мне и моя память о других. Вечная память - вечная жизнь. Память Христа обо мне, моя память о Христе ... Как? Где он? В любимых. Оттого и заповедь любви. Воскресение - в меру любви. (Подчеркнуто мной. А.Н.) Ненавистного не ждешь, к нему не стремишься; и ненавидящий тоже отталкивает память о себе.

— То, что я написал в этом письме, - просто лирическое отступление, взгляд на предмет прошлых писем чуть под другим ракурсом. Да под каким ракурсом не смотри, взор всё равно упрётся в любовь, во Христа, в Воскресение.

О зле мне сейчас писать недосуг. Хочу во что бы то ни стало за две недели доконать диссертацию. Пока исписал только 130 стр. Ещё с сотню осталось.

Так что подождём немного.

Пока же желаю вам всем солнца и тепла, хорошего, беззаботного отдыха.

Шлю также самые тёплые пожелания ко дню рождения Митеньки. Юноше уже 5 лет. Дай Бог ему здоровья вам на радость и утешение.

Привет и поцелуй Сашеньке, Ианнуарий.

— Что можно добавить к этим письмам? И что возразить? И нужно ли что-либо добавлять и возражать?

— У меня они вызывают чувство самой светлой зависти. Вот что значит ясно мыслить, ясно и красиво излагать - на мой взгляд, разумеется. И насколько здесь всё выкристаллизованней, чем во всех предыдущих, написанных до этого лета письмах. В Севастополе своими восторгами по поводу писем отца Ианнуария я пытался делиться с Сашулей, но понимания не встретил, на что даже по глупости своей почти обиделся, досадовал, во всяком случае.

— Из этих писем окончательно ясно становится, почему о. Ианнуарий их писал: он осуществлял свой долг, своё предназначение, самореализовывался в соответствии со своим пониманием смысла жизни, пока видел, что в этом (то есть в такой форме самореализации, наряду с прочими) есть смысл, и он не мечет бисер перед свиньями.

— Который раз уже, перечитывая эти письма, я испытываю душевный подъём, прилив сил. Как много они "дают" в самом прямом смысле этого слова! Неисчислимо много.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)